ВИКИ МОРРОУ

На игле

18+

Вики Морроу

На игле

«Автор»
2026

Морроу В.

На игле / В. Морроу — «Автор», 2026

У неё было четырнадцать дней. Она об этом ещё не знала. Марк делает татуировки днём и «решает вопросы» ночью. Он не герой — обычный мужик с долгами, который пять лет назад ушёл из системы и поклялся не возвращаться. Пока его клиентка не выходит из салона и не попадает в руки к людям, от которых Марк сам еле ушёл. Аня хотела маленькую птицу на запястье. Теперь у неё есть долг брата, две недели и мастер с иглой, который единственный знает, как вытащить её из этого дерьма. Вот только спасать её — значит снова влезть в то, из чего он пять лет выбирался. Брат Ани не сбежал. Он исчез. И чем глубже они копают, тем яснее: кто-то очень не хочет, чтобы они нашли правду. У них нет плана. У них есть только друг друг. И этого может не хватить.

© Морроу В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четырнадцать дней 5
Глава 2. «Тот, кто знает» 10
Глава 3. Пять лет назад 14
Глава 4. «Тот, кто пришел сам» 17
Глава 5. Счета 22
Глава 6. Братья 25
Глава 7. Сделка 28
Глава 8. Свои 31
Глава 9. Похищение 35
Глава 10. Штурм 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Вики Морроу
На игле

Глава 1. Четырнадцать дней

За день до того, как всё началось, Марк набил клиенту дракона на лопатке и думал только о том, чтобы тот не дёргался.

Клиент дёргался. Марк матерился про себя. Игла жужжала, оставляя на коже тонкую чёрную линию, и в этом звуке было что-то честное: ты платишь — я рисую. Никто никому не должен. Никто никого не спасает.

Так было заведено. Пять лет. С тех пор, как Марк вышел из системы и поклялся не возвращаться.

Дверь скрипнула в одиннадцать. Петли он так и не смазал — руки не доходили.

Девушка вошла и остановилась у порога. Светлый плащ, слишком опрятный для этого района. Рюкзак, прижатый к груди, как щит. Она смотрела на него так, будто проверяла: тот ли адрес, тот ли человек, не ошиблась ли она.

— Я на двенадцать. Аня. Записана.

Марк кивнул. Отложил планшет. Отметил краем глаза: пальцы дрожат. На улице плюс восемнадцать. Не от холода.

— Проходи. Показывай, что хочешь.

Она села на край кушетки, выпрямив спину так, будто проглотила линейку. Достала из рюкзака сложенный вчетверо лист. Марк развернул: на белом фоне, в самом центре, — маленькая птица. Не орёл, не феникс. Синица. Простая, карандашная, с поднятыми крыльями.

— Сама рисовала?

— Сама.

— Где хочешь? Размер?

— На запястье. Маленькую. Сантиметра три.

Классика. Первая татуировка. Маленькая, на видном месте. Прикрыть рукавом на работе, показать друзьям в баре. Он видел таких сотни.

Не таких. Слишком собранная. Слишком напряжённая. Так стоят на краю бассейна, уговаривая себя прыгнуть. Или так стоят люди, которые знают, что за ними придут.

Марк натянул перчатки.

— Боишься?

— Немного.

— Это нормально. Первый раз у всех так. Дыши. Если станет невмоготу — скажи, сделаем паузу. Я не садист, я художник.

Он улыбнулся. Она не ответила улыбкой. Только положила руку на подлокотник, повернув запястье внутренней стороной вверх. Кожа бледная, почти прозрачная — вены просвечивали синим.

На левом запястье — тонкий шрам. Старый, аккуратный, поперёк.

Марк ничего не сказал. У него самого было три таких же, только на другом месте и по другой причине. Люди не любят, когда ты замечаешь их шрамы. Даже если у тебя есть свои.

Он включил машинку. Жужжание заполнило комнату. Обмакнул ватный диск в антисептик, протёр кожу.

— Дыши, — повторил он.

Игла коснулась запястья. Аня вздрогнула. Не отстранилась. Вцепилась свободной рукой в край кушетки так, что побелели костяшки.

Работа занимала двадцать минут. Для него — меньше, чем перекур. Но Марк никогда не торопился. Не из перфекционизма. Из привычки: под иглой люди раскрываются. Не все. Некоторые лежат как камни, стиснув зубы, и ждут, когда это закончится. Но другие начинают говорить. О работе. О бывших. О матерях. О том, что на самом деле думают о своей жизни.

Игла действует как правда-сыворотка. Боль снимает фильтры.

Аня молчала. Первые пять минут — совсем. Дышала глубоко, как он велел, смотрела в потолок. Марк не лез. Он умел работать в тишине. Краем глаза отмечал: под ногтями — остатки красного лака, стёртого неравномерно, будто грызла. На джинсах — крошечное пятно от кофе, которое она пыталась оттереть. Туфли аккуратные, недорогие, чистые. Такие носят девушки, которые ходят на работу, где нужно выглядеть прилично, но платят там мало.

— Давно хотела? — спросил он, не поднимая головы.

— Что? — вздрогнула.

— Татуировку. Давно хотела?

— Полгода. Может, больше. Всё откладывала.

— Почему сейчас?

Пауза. Игла жужжала, оставляя на коже тонкую чёрную линию — крыло птицы.

— Решила, что дальше откладывать нельзя. Как будто если не сделаю сейчас, то уже никогда.

Марк хмыкнул. Он слышал это чаще, чем хотел бы. Люди приходили к нему не за картинками. За ощущением контроля. Маленькая боль, которую ты выбираешь сам, — это способ сказать миру: вот, я могу решать хотя бы это.

Он понимал. У него самого на левом предплечье была надпись на латыни, которую он набил себе в двадцать три, после того как чуть не сел. Memento mori. Помни о смерти. Тогда думал, что это глубоко. Сейчас казалось банальностью, но перекрывать было лень.

— Ты где работаешь? — спросил он, чтобы заполнить паузу.

— В банке. Отдел кредитования.

— Серьёзно. И как? Нравится?

— Нет. — Ответила быстро, без раздумий. — Но платят стабильно.

— Стабильно — это хорошо. У меня вот нестабильно. То густо, то пусто.

Он не стал уточнять, что «пусто» — это когда он две недели сидит без заказов и считает копейки до зарплаты. Клиентам нужен уверенный мастер. Не человек, который не знает, чем платить за аренду.

— Готово.

Он промокнул запястье салфеткой, наложил плёнку.

— Не мочить сутки. Не чесать. Если начнёт краснеть или гноиться — не геройствуй, звони. Вот моя карточка.

Протянул визитку — простую, чёрную, с серебряной птицей в углу. Аня взяла и вдруг посмотрела на него внимательно, будто впервые увидела. Не мастера. Человека.

— Спасибо. Правда. Я боялась, что будет больнее.

— Больно будет завтра, когда наркоз отойдёт. С тебя три тысячи. Можно переводом.

Она расплатилась — быстро, по QR-коду, не глядя на сумму. Надела плащ, подхватила рюкзак. У двери обернулась.

— До свидания, Марк.

— Бывай, Аня. Береги птицу.

Дверь закрылась. Марк постоял секунду, глядя на неё. Потом вернулся к столу — дракон сам себя не дорисует.

Крик был коротким. Не громче сигнала машины или лая собаки. Но что-то в нём заставило Марка поднять голову. Не страх. Отчаяние. Так кричат, когда понимают, что помощи ждать неоткуда.

Он подошёл к окну. Салон выходил во двор-колодец с вечным запахом мокрого асфальта и сигарет. Днём здесь парковались машины. Вечером собирались подростки. Сейчас — стояла серая «Лада» без номеров. Марк заметил это сразу. Привычка.

У машины — двое. Один, в чёрной куртке, держал Аню за запястье. То самое, с птицей, только что набитой. Другой, плотный, с бритой головой, стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы. Аня пыталась вырваться. Плёнка на запястье смялась.

Марк узнал человека в чёрной куртке. Не сразу — по профилю, по манере стоять, чуть откинувшись назад, будто он всегда прав и мир ему должен.

Костя. Костя-Штырь.

Его «клиент». Так Марк называл это про себя, чтобы не называть вслух настоящим словом. Штырь брал у него товар раз в две недели. Всегда вовремя. Всегда без проблем. Обычный парень. Из тех, кто считает себя умнее всех, потому что научился считать чужие деньги.

Аня что-то говорила — быстро, сбивчиво. Марк не слышал слов, но видел, как она мотает головой. Штырь не отпускал. Наоборот, притянул её ближе.

Марк отступил от окна.

Это не его дело. Вообще не его. Он тату-мастер. Он делает картинки на коже. То, что происходит за стенами салона, — не его территория. У него есть правило: не лезть. Правило, которое он выработал за пять лет и которое помогало ему оставаться на плаву. Не лезть. Не спасать. Не играть в героя. Герои, как он знал по опыту, заканчивают плохо — либо в земле, либо на нарах.

Он вернулся к столу. Взял планшет. Посмотрел на дракона.

Дракон смотрел на него.

За окном снова крик — громче. И звук удара. Не сильного, но достаточного, чтобы Аня вскрикнула.

Марк выругался сквозь зубы.

— Сука, — сказал он тихо. Непонятно кому — Штырю, себе, всей этой ситуации. — Ну какого хрена.

Он снял с крючка куртку. Накинул на плечи — не потому что было холодно, а потому что в кармане лежал маленький пистолет. Не настоящий. Травмат, переделанный. Но выглядел как настоящий, и этого обычно хватало.

Он никогда его не доставал. Но носил. На всякий случай. Потому что район был не самый спокойный, а он был не самым храбрым.

Вышел во двор.

— Штырь, — сказал он спокойно. — Отпусти девушку.

Костя обернулся. Увидел Марка — и на его лице появилось выражение, которое Марк не любил больше всего: превосходство. Так смотрят на людей, которых считают ниже себя.

— О, мастер. А ты чего тут? Мы вроде не договаривались.

— Вы не договаривались. А она мне только что три косаря заплатила. Я за неё теперь отвечаю. — Марк кивнул на Аню. — Отпусти.

— Она мне должна, — Штырь пожал плечами. — Не твоё дело.

— Сколько?

— Тебе-то что?

Марк посмотрел на Аню. Она стояла, вжавшись в машину, и смотрела на него — с надеждой и ужасом одновременно. Как человек, который уже смирился с тем, что его никто не спасёт, и вдруг увидел спасателя. И боится, что это ошибка.

— Сколько? — повторил Марк.

Штырь усмехнулся. Назвал сумму.

Марк присвистнул — про себя. Вслух нельзя было показывать, что его это впечатлило. Сумма была не космическая. Но и не та, которую он мог достать из кармана. Это был долг. Настоящий. Из тех, что не прощают.

— У неё есть время, — сказал Марк. — Отпусти. Она заплатит.

— Ты за неё поручишься? — Штырь прищурился.

Марк помолчал. Вот он, момент. Тот самый, о котором он потом будет думать: зачем? Зачем он это сделал? Он мог развернуться и уйти. Мог сказать: «Не моё дело, разбирайтесь сами». Это было бы правильно. Это было бы безопасно.

— Поручусь, — сказал он.

Штырь отпустил Аню. Она отшатнулась, прижала больное запястье к груди. Штырь посмотрел на Марка долгим взглядом — обещающим. Потом сел в машину. «Лада» завелась и уехала, оставив после себя запах бензина и что-то ещё, тяжёлое, что Марк не мог назвать.

Аня стояла у стены. Её трясло.

— Зачем? — спросила она.

— Сам не знаю, — честно сказал Марк. — Пошли в салон. У тебя плёнка смялась, надо поправить.

Он развернулся и пошёл к двери. За спиной послышались шаги — неуверенные, но всё-таки шаги. Она шла за ним.

Она сидела на той же кушетке. Плёнку он снял, обработал запястье заново — птица выглядела нормально, не пострадала. Аня молчала. Смотрела в пол.

Марк налил ей воды из кулера — в пластиковый стаканчик, который она взяла обеими руками, как будто он весил килограмм.

— Рассказывай, — сказал он, садясь напротив. — Только не ври. Я, конечно, не психолог, но врать мне бесполезно. Я двадцать минут держал иглу в твоей коже. Я видел, как ты дышишь.

Аня подняла на него глаза. И впервые за всё утро — улыбнулась. Слабо, уголками губ.

— Вы странный.

— Я тату-мастер. Это входит в профессию. — Он откинулся на спинку стула. — Давай. С самого начала.

Она сделала глоток. Помолчала. Потом сказала:

— Мой брат. Он взял деньги. Не у Штыря — у других. Штырь теперь — его кредитор. Брат уехал. А долг остался. И теперь они приходят ко мне.

Марк слушал. Не перебивал. За окном снова шумел двор — обычный двор, обычный день. Только теперь в этом дне была Аня. И долг. И Штырь, который запомнил лицо Марка и его слова.

— Я не знаю, что делать, — сказала Аня. — Я думала, если сделаю татуировку, если сделаю хоть что-то для себя, то смогу… не знаю. Собраться. Стать сильнее. Глупо, да?

Марк посмотрел на её запястье. Маленькая птица. Синица. С поднятыми крыльями.

— Не глупо, — сказал он. — Глупо было бы сдаться. Ты пока не сдалась.

Она подняла на него глаза — и в них было что-то, чего он не ожидал увидеть. Не благодарность. Не страх. Что-то другое. Похожее на вопрос.

— Почему вы мне помогаете? — спросила она. — Вы же меня совсем не знаете.

Марк помолчал. Потом сказал правду — потому что врать было лень:

— Потому что когда-то мне никто не помог. И я знаю, каково это.

Он встал, подошёл к столу, взял планшет. Дракон смотрел на него с экрана. Марк выключил планшет и убрал его в ящик.

— Завтра в десять приходи. Плёнку поменяем. И подумаем, что делать с твоим долгом.

— Вы серьёзно?

— Я всегда серьёзен, когда дело касается денег. — Он усмехнулся. — Иди. И не гуляй по тёмным дворам. Теперь у тебя есть я. К сожалению для тебя.

Она ушла. Дверь скрипнула. Марк остался один — в салоне, который пах антисептиком и кофе, среди эскизов на стенах и чужих историй, которые он хранил, сам того не желая.

Он достал телефон. Нашёл в контактах Штыря. Посмотрел на имя.

Потом открыл заметки. Набрал: «14 дней». Посмотрел на цифру. Стёр. Набрал снова: «14 дней. Штырь. Брат. Банк».

Убрал телефон.

Завтра. Всё завтра.

Он уже собирался закрывать салон, когда телефон пискнул. Сообщение с незнакомого номера. Одно слово:

«Поручился?»

Марк посмотрел на экран. Потом на окно. Во дворе было пусто. Только фонарь мигал, как всегда.

Он набрал в ответ: «Кто это?»

Ответ пришёл через минуту:

«Тот, кто знает, что ты врёшь. Ты не тату-мастер. Ты бывший курьер. И ты вернулся. Зря».

Марк убрал телефон в карман. Руки не дрожали. Пять лет он ждал, когда прошлое постучится. Оно постучалось. Не в дверь. В телефон.

Он выключил свет и вышел. Двор был пуст. Но он чувствовал: за ним наблюдают. Не Штырь. Кто-то хуже.

Кто-то, кто знал его настоящее имя.

Глава 2. «Тот, кто знает»

Аня не спала.

Она лежала на диване в своей съёмной однушке на Юго-Западной, укрывшись пледом с головой, и слушала, как за окном шумит трасса. Раньше этот шум её усыплял. Теперь — нет. Теперь он означал: мимо проезжают машины. Любые машины. В том числе серая «Лада» без номеров.

Запястье саднило. Плёнка, которую Марк наклеил заново, стягивала кожу. Под ней — птица. Маленькая, с поднятыми крыльями. Она думала, что станет легче. Не стало.

Телефон лежал на полу, экраном вниз, и Аня знала: там три пропущенных. Все — с незнакомого номера. Все — после полуночи. Она не брала. Не потому что боялась. Потому что знала: если возьмёт, придётся говорить. А говорить она не умела. Особенно — правду.

Она села. Включила ночник — тусклую жёлтую лампу на столике. Достала из рюкзака ноутбук. Открыла папку, которую прятала в самом дальнем углу рабочего стола, за паролем, который знала только она.

Папка называлась «Д».

Дима.

Брат.

Она не сказала ему многого.

Не сказала, что брат не просто «взял деньги и уехал». Она сказала это Марку — и это было правдой. Но не всей.

Дима не уехал. Дима исчез. В ночь на первое сентября. Не взял с собой ни вещей, ни документов. Не позвонил. Не написал. Просто вышел из своей квартиры на Первомайской — и не вернулся.

Аня узнала об этом через два дня, когда ей позвонили с его работы: «Дима не вышел. Вы знаете, где он?» Она приехала. Открыла его квартиру своим ключом. Внутри — всё как обычно: чашка с недопитым чаем на столе, ноутбук на кровати, куртка на крючке. Только самого Димы не было.

И ещё — на столе лежал конверт. Без надписи. Внутри — три листа. Распечатка. Таблица с цифрами, датами, именами. Аня ничего не поняла тогда. Она вообще мало что понимала в его делах. Но одно имя она узнала.

Костя Штырь. Настоящая фамилия — Штырёв. И напротив его имени — сумма. С пометкой: «просрочено».

Аня не отдала конверт полиции. Не потому что боялась. Потому что не доверяла. Она видела, как в их отделе кредитования «решают вопросы» люди в дорогих костюмах. Видела, как заявления теряются. Как свидетели «забывают». Она не могла рисковать.

Она сделала копии. Оставила оригинал в квартире брата — на видном месте, как будто его там забыли. А копии спрятала. В папке «Д».

И стала ждать.

Через неделю пришли они. Не Штырь — другие. Двое. В чёрных куртках. Сказали: «Брат должен. Ты — сестра. Значит, теперь ты должна». Аня пыталась объяснить: она не знает, где он. Ей не поверили. Или сделали вид, что не поверили. Дали две недели. Потом — ещё две. Потом — ещё.

Она платила. Из своей зарплаты. По частям. Отдавала почти всё, что зарабатывала в банке. Жила на остатки. Не жаловалась. Потому что знала: если перестанет платить, придут снова. И тогда — не просто поговорят.

Татуировку она сделала в тот день, когда поняла: ещё немного — и она сломается. Не физически. Внутри. Она смотрела на себя в зеркало и видела женщину, которая пять месяцев живёт в страхе и делает вид, что всё нормально. И она решила: хватит. Маленькая птица на запястье. Символ того, что она ещё может выбирать. Хотя бы что-то.

Она не знала, что в тот же день Штырь решит, что «по частям» — это слишком медленно. Что он придёт во двор салона. Что вмешается тату-мастер с уставшими глазами и привычкой не лезть.

Марк.

Она не сказала ему про конверт. Не сказала про таблицу. Не сказала, что у неё есть доказательства — и что она не знает, кому их отдать.

Потому что не доверяла. Ещё. Пока.

Марк проснулся в шесть. Не потому что так надо. Потому что привычка: пять лет назад он просыпался в шесть, чтобы успеть сделать закладку до того, как город окончательно проснётся. Теперь он просыпался в шесть, чтобы просто полежать в тишине и убедиться: телефон не звонит. Никто не пришёл. Всё нормально.

Телефон молчал.

Он встал. Сварил кофе в турке — единственная привычка, которую он позволял себе считать «нормальной». Сел за стол. Открыл ноутбук. Нашёл в закладках старую страницу — форум, который, по идее, давно умер. Но нет: он работал. Там сидели такие же, как он. Бывшие. Те, кто ушёл. Те, кто старался не возвращаться.

Марк не писал туда пять лет. Сегодня — написал.

«Штырь. Костя Штырёв. Кто за ним?»

Ответ пришёл через сорок минут. От пользователя с ником «Старый пёс». Марк знал его. Когда-то они вместе работали. Потом Старый пёс сел. На три года. Вышел. И, судя по нику, остался старым псом.

«Штырь — шестёрка. За ним — Гриша Мелкий. Ты его не знаешь. Он пришёл после тебя. Но он тоже шестёрка. Настоящий — выше. Ты знаешь, кто выше. Не лезь».

Марк убрал руки от клавиатуры. Посмотрел в окно. За окном — обычный двор, обычное утро. Женщина выгуливала собаку. Мальчик шёл в школу с рюкзаком больше себя.

«Ты знаешь, кто выше».

Он знал. Конечно, знал. Пять лет назад он ушёл от этого человека. Не по своей воле. Ему дали уйти. С условием: не возвращаться. Не лезть. Не вспоминать.

Он вспомнил.

В десять пришла Аня.

Она выглядела хуже, чем вчера. Под глазами — тени. Руки — в карманах плаща, будто прятала что-то. Или просто не знала, куда их деть.

Марк снял плёнку, обработал запястье. Птица выглядела нормально. Заживала.

— Ты не спала, — сказал он.

— Не спала.

— Кто-то звонил?

Она подняла на него глаза. Быстро, резко — как человек, которого поймали.

— С чего вы взяли?

— Потому что я тоже не спал. И потому что у тебя телефон в кармане вибрирует каждые пять минут. — Он кивнул на её плащ. — Ты не берёшь. Значит, знаешь, кто это. И боишься.

Аня помолчала. Потом достала телефон. Положила на стол. Экран светился: «Пропущенные: 7». Все — с одного номера.

— Это не Штырь, — сказала она тихо. — Это другие. Они звонят с тех пор, как я ушла из салона вчера. Я не знаю, кто это.

Марк взял телефон. Посмотрел на номер. Незнакомый. Но что-то в нём было… знакомое. Не цифры. Что-то другое. Он не мог понять что.

— Дай мне номер, — сказал он. — Я пробью.

— У вас есть связи?

— У меня есть прошлое. Это не то же самое, но иногда работает.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом сказала:

— Я должна вам кое-что рассказать.

И рассказала. Про конверт. Про таблицу. Про имя Штыря — и про то, что напротив него стояла сумма с пометкой «просрочено». Про то, что она не отдала это полиции. Про то, что копии у неё.

Марк слушал. Не перебивал. Когда она закончила, он встал. Подошёл к окну. Посмотрел во двор. Потом сказал:

— Ты понимаешь, что это значит?

— Что у меня есть доказательства.

— Что у тебя есть долг, который кто-то уже считает закрытым. — Он обернулся. — Ты платила пять месяцев. По частям. Штырь приходил к тебе. А вчера — пришёл снова. И вёл себя так, будто ты не заплатила ни копейки. Почему?

Аня молчала.

— Потому что кто-то отменял твои платежи, — сказал Марк. — Кто-то забирал деньги, которые ты отдавала. И Штырь знает, кто. И этот кто-то — не Штырь. Этот кто-то выше.

Он подошёл к столу. Взял телефон Ани. Посмотрел на номер.

— И этот кто-то, — сказал он тихо, — сейчас звонит тебе. Не Штырь. Не его люди. Кто-то, кто знает, что ты была у меня. Кто-то, кто хочет, чтобы ты боялась.

Он набрал номер. Гудки. Долгие. Потом — щелчок. Тишина.

— Кто это? — спросил Марк.

Молчание. Потом — голос. Мужской. Спокойный. Слишком спокойный для человека, который звонит незнакомой девушке семь раз за ночь.

— Марк, — сказал голос. — Ты всё-таки вернулся.

Марк узнал его. Не сразу — по интонации. По манере растягивать гласные. По тому, как он сказал «вернулся» — будто ждал этого. Будто знал.

Это был не Штырь. Это был не Гриша Мелкий. Это был человек, от которого Марк ушёл пять лет назад. Человек, который дал ему уйти.

Гриша Мелкий? Нет. Выше.

— Здравствуй, Марк, — сказал голос. — Я слышал, ты поручился за девчонку. Это было очень… благородно. И очень глупо. Ты же помнишь, чем заканчивается благородство.

Марк молчал. Смотрел на Аню. Она смотрела на него. В её глазах был страх. Настоящий. Не за себя. За него.

— Что тебе нужно? — спросил Марк.

— Мне? Ничего. — Голос усмехнулся. — Мне нужно, чтобы ты вспомнил. Кто ты. Откуда. Кому ты обязан. И что бывает с теми, кто забывает.

Пауза. Марк слышал, как в трубке шумит город. Тот же город. Те же улицы. Тот же человек.

— У тебя есть четырнадцать дней, — сказал голос. — Я даю тебе столько же, сколько дал Штырь. Не потому что я добрый. Потому что мне интересно. Что ты выберешь: девчонку или себя?

Гудки.

Марк убрал телефон. Положил на стол. Посмотрел на Аню.

— Кто это был? — спросила она.

— Человек, который когда-то был моим боссом, — сказал Марк. — И который пять лет назад сказал мне: «Уходи. И не возвращайся». Я ушёл. А теперь — вернулся.

Он сел напротив неё. Взял стаканчик с водой. Выпил залпом.

— У нас четырнадцать дней, — сказал он. — Не у тебя. У нас. Потому что теперь он знает, что мы вместе. И это значит, что он будет давить на нас обоих.

— Что нам делать?

Марк помолчал. Потом улыбнулся. Впервые за два дня — по-настоящему.

— Для начала — узнать, что в твоём конверте. Потом — найти твоего брата. Потом — понять, почему твои платежи отменяли. И кто за этим стоит.

Он встал. Подошёл к стене с эскизами. Снял один — дракон, которого он не дорисовал. Под ним, на стене, была выцарапана надпись. Старая. Пять лет.

«Memento mori».

— И ещё, — сказал он. — Ты должна мне рассказать всё. Не то, что сказала вчера. Всё. Про брата. Про конверт. Про то, почему ты не пошла в полицию. Всё.

Аня посмотрела на него. Потом — на надпись на стене. Потом — снова на него.

— Хорошо, — сказала она. — Но только если вы расскажете мне, кто вы такой. Настоящий.

Марк усмехнулся.

— Договорились.

Аня ушла в полдень. Марк остался в салоне. Смотрел на телефон. Ждал.

Звонок пришёл в три. Не с незнакомого номера. С того самого, который он не видел пять лет. Он сохранил его под именем, которое не любил произносить.

«Старый пёс».

— Ты спрашивал, кто за Штырём, — сказал Старый пёс. — Я тебе ответил. Но я не сказал главного. Тот, кто тебе звонил, — не просто босс. Он тот, кто сдал тебя пять лет назад. И тот, кто забрал твоего брата.

Марк замер.

— Какого брата? — спросил он.

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Ты думал, ты один такой? — сказал Старый пёс. — Ты думал, ты ушёл, и всё закончилось? Нет, Марк. Всё только началось. И девчонка — не случайность. Она — приманка. Ты вернулся не потому, что хотел. Ты вернулся потому, что тебя позвали.

Гудки.

Марк посмотрел на телефон. Потом — на стену. Надпись «Memento mori» смотрела на него, как всегда. Только теперь она значила не «помни о смерти». Она значила: «ты уже мёртв. Просто ещё не знаешь».

Глава 3. Пять лет назад

Марк не любил вспоминать. Не потому что было больно — больно как раз он умел терпеть. Потому что воспоминания были как старые раны: вроде зажили, но стоит задеть — и снова кровь. А он пять лет старался не задевать.

Но Старый пёс умел задевать. Всегда умел.

Марк закрыл салон в четыре. Не потому что не было клиентов — был один, на шесть, но он его отменил. Написал: «Извини, форс-мажор». Клиент не ответил. Наверное, обиделся. Марк не думал о нём. Он думал о том, что сказал Старый пёс.

«Ты думал, ты один такой?»

Он сел на кушетку. Достал телефон. Нашёл в галерее фото, которое не открывал пять лет. Скрыл его от всех, но не удалил. Не смог.

На фото было двое. Марк — моложе, худее, с короткой стрижкой, которой давно не было. И парень рядом — похожий на него. Тот же нос, та же линия подбородка. Только глаза другие. У Марка — уставшие, настороженные. У парня — весёлые, будто он только что рассказал шутку и ждёт, когда все засмеются.

Это был Дима.

Не брат Ани. Другой Дима. Брат Марка.

Он смотрел на фото минуту. Может, две. Потом убрал телефон. Встал. Подошёл к стене с эскизами. Снял дракона. Под ним — надпись, выцарапанная гвоздём пять лет назад: «Memento mori». Он провёл по ней пальцем. Потом нажал на стену рядом — там была едва заметная трещина в штукатурке. Он знал её наизусть.

Внутри, за отставшими обоями, лежала папка. Не такая, как у Ани. Другая. Его собственная.

Он достал её. Сел за стол. Открыл.

Первая страница — список имён. Двенадцать. Семеро из них уже мертвы. Один — в тюрьме. Двое — уехали из страны. Один — пропал. И последнее имя — то самое, которое он не любил произносить.

Гриша Мелкий.

Нет. Не Мелкий. Выше.

Сергей Львович Ковалёв. Он же — «Лев». Человек, который дал Марку уйти. Человек, который забрал его брата.

Марк закрыл папку. Посмотрел в окно. За окном — обычный двор, обычное утро, обычная жизнь. Только теперь он знал: это не его жизнь. Это клетка. И он в ней сидит пять лет, думая, что на свободе.

Он позвонил Старому псу.

— Ты сказал «приманка», — проговорил Марк, когда тот взял трубку. — Объясни.

Пауза. Потом — голос, хриплый, как будто человек только что выпил.

— Ты помнишь, как уходил? — спросил Старый пёс.

— Помню.

— Ты помнишь, что тебе сказали?

— «Уходи. И не возвращайся».

— А ты спросил, почему?

Марк помолчал. Он не спросил. Тогда, пять лет назад, он просто взял и ушёл. Потому что был молод. Потому что боялся. Потому что думал: если уйду, всё закончится.

— Не спросил, — сказал он.

— А зря. — Старый пёс вздохнул. — Тебе дали уйти не потому, что пожалели. Тебе дали уйти, потому что ты был должен. Ты должен был Льву. И он знал: рано или поздно ты вернёшься. Не потому что захочешь. Потому что придётся.

— Я никому ничего не должен.

— Должен. — Голос стал жёстче. — Ты должен был ему за брата. За то, что он не тронул твоего брата. Тогда. Пять лет назад. Ты думал, Дима уехал? Думал, он в другом городе, живёт нормально?

Марк замер.

— Он не уехал, — сказал Старый пёс. — Он у Льва. Все пять лет. Ты думал, ты ушёл, и всё закончилось? Нет, Марк. Ты ушёл, а брат остался. Как залог. Чтобы ты не вернулся. Чтобы ты сидел тихо. Чтобы ты делал татуировки и не лез.

Телефон в руке Марка стал тяжёлым. Как будто в него налили свинец.

— Ты врёшь, — сказал он.

— Зачем мне врать? — Старый пёс усмехнулся. — Я сам узнал это недавно. Случайно. Один человек проговорился. Твой брат жив. Но он не свободен. Он — рычаг. На тебя. И на девчонку.

— При чём тут Аня?

— А ты не понял? — Пауза. — Её брат тоже у Льва. Тот самый Дима. Только не твой. Её. И когда Лев понял, что ты вышел на неё, он понял: пора. Пора тебя вернуть. Девчонка — приманка. Ты клюнул. Теперь ты в игре. И выбора у тебя нет.

Марк положил телефон на стол. Не отключил. Просто положил. Посмотрел на папку. На имена. На последнее имя.

Лев.

Человек, который дал ему уйти. Человек, который забрал его брата. Человек, который теперь держит и его, и Аню, и её брата, и его брата. Всех. Одной рукой. Потому что так работает система: не силой. Рычагами.

Он взял телефон снова.

— Чего он хочет? — спросил Марк.

— Он хочет, чтобы ты сделал то, что делал раньше, — сказал Старый пёс. — Но не для него. Для себя. Он хочет, чтобы ты понял: ты не ушёл. Ты никогда не уходил. И теперь он хочет, чтобы ты это признал.

— И что тогда?

— Тогда, может быть, он отпустит твоего брата. Может быть. Он не обещает. Он никогда не обещает.

Марк закрыл глаза. Пять лет. Пять лет он делал татуировки. Пил кофе. Смотрел в окно. Думал, что свободен. А его брат всё это время был там. У Льва. Как вещь. Как рычаг. Как залог.

— Я не буду ему ничего делать, — сказал Марк. — Я найду брата. Сам.

— Как? — Старый пёс хмыкнул. — Ты один. У тебя нет ни связей, ни денег, ни оружия. Только девчонка, которая тебе не доверяет. И четырнадцать дней.

— Тринадцать, — поправил Марк.

— Тем более.

Марк помолчал. Потом сказал:

— Ты мне поможешь?

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Я помогу тебе информацией, — сказал Старый пёс. — Но не людьми. Не оружием. Не деньгами. Я своё отсидел. Больше не хочу.

— Хорошо. Информация. Что ты знаешь про Аню?

Старый пёс помолчал. Потом сказал:

— Её брат — Дима. Тот самый. Твой брат и её брат — один человек. Они оба — Димы. Только разные. Твой — Дмитрий. Её — Дмитрий. Оба у Льва. Оба — рычаги. Только твой — для тебя. Её — для неё.

Марк замер.

— Ты хочешь сказать, что её брат и мой брат — не один и тот же?

— Нет. — Голос Старого пса стал тише. — Я хочу сказать, что их двое. И Лев держит обоих. И когда ты найдёшь одного, ты не найдёшь другого. Потому что они в разных местах. И Лев будет менять их местами. Каждый день. Чтобы ты не успел.

Марк закрыл глаза. В голове было пусто. И в то же время — слишком много.

— Как их найти? — спросил он.

— Начни с конверта, — сказал Старый пёс. — В конверте Ани — таблица. В таблице — имена. Одно из них — Гриша Мелкий. Он не просто шестёрка. Он — связной. Он знает, где держат братьев. Но он не скажет. Потому что боится Льва больше, чем тебя.

— Как его заставить?

— Не заставить. — Пауза. — Обменять. У тебя есть то, что ему нужно. Ты просто ещё не знаешь что.

Гудки.

Марк убрал телефон. Посмотрел на папку. На имена. На последнее имя.

Лев.

Он встал. Подошёл к стене. Нажал на трещину. Убрал папку обратно. Заштукатурил — грубо, но держится.

Потом взял телефон. Нашёл в контактах Аню. Написал:

«Приходи завтра в десять. Не одна. Возьми конверт. И будь готова к тому, что я расскажу».

Ответ пришёл через минуту:

«Хорошо. А что случилось?»

Марк посмотрел на экран. Потом на стену. Надпись «Memento mori» смотрела на него, как всегда. Только теперь она значила не «помни о смерти». Она значила: «ты уже мёртв. Просто ещё не знаешь».

Он набрал:

«Я расскажу. Завтра. Всё».

Убрал телефон. Сел на кушетку. Закрыл глаза.

Пять лет. Пять лет он думал, что ушёл. А его брат всё это время был там. У Льва. Как вещь. Как рычаг. Как залог.

И теперь у него было тринадцать дней. Не чтобы спасти себя. Чтобы спасти всех.

Или — чтобы понять, что спасать уже некого.

Ночью Марк не спал. Лежал на кушетке в салоне, смотрел в потолок. Думал.

В дверь постучали в два часа. Не позвонили — постучали. Тихо. Три раза. Так стучат те, кто не хочет, чтобы их услышали.

Марк встал. Подошёл к двери. Посмотрел в глазок.

На пороге стоял парень. Молодой. Лет двадцать пять. В куртке не по погоде. С рюкзаком. С лицом, которое Марк не видел пять лет.

Он открыл дверь.

Парень посмотрел на него. Улыбнулся — той самой улыбкой, которую Марк помнил.

— Привет, брат, — сказал Дима. — Я слышал, ты меня ищешь. Я пришёл сам.

Глава 4. «Тот, кто пришел сам»

Марк открыл дверь и секунду стоял молча.

Парень на пороге был худой, в куртке не по погоде — лёгкой, осенней, хотя на улице уже подступало к нулю. Рюкзак на одном плече. Руки в карманах. Лицо взрослое, но с той детской ещё припухлостью у скул, которая проходит годам к тридцати. Он улыбался.

Марк узнал улыбку раньше, чем лицо. Улыбка была своя, родная, из тех времён, когда они ещё жили в одной квартире и делили один компьютер на двоих.

— Привет, брат, — сказал Дима. — Я слышал, ты меня ищешь. Я пришёл сам.

Марк не двинулся с места.

— Пять лет, — сказал он. — Пять лет, Дима.

— Знаю.

— Я думал, ты умер.

— Я тоже так думал. — Дима переступил с ноги на ногу. — Можно войти? На улице холодно, а я в куртке, которую мне дали в… — он запнулся, — в общем, дали.

Марк отступил. Дима вошёл, огляделся — медленно, цепко, как человек, который давно не был в помещениях, где можно расслабиться. Посмотрел на кушетку, на столик с машинками, на эскизы на стенах. На стену с драконом, под которым была выцарапана надпись.

— «Memento mori», — прочитал он. — Ты всё-таки набил.

— Набил.

— А я думал, ты это так, для понтов говорил.

Марк закрыл дверь. Прошёл к столу, сел. Не предложил сесть Диме. Тот понял. Остался стоять.

— Как ты меня нашёл? — спросил Марк.

— Лев сказал.

Марк не изменился в лице. Только чуть медленнее, чем следовало, взял со стола ручку и положил обратно.

— Лев сказал, — повторил он.

— Он отпустил меня. Утром. Сказал: «Иди к брату. Он тебя ищет». И дал адрес. — Дима пожал плечами. — Я не спрашивал, откуда он знает. Я просто пошёл.

— Просто пошёл.

— Марк. — Дима сделал шаг вперёд. — Я пять лет сидел в комнате без окон. Я не знаю, что происходит снаружи. Я не знаю, что происходит с тобой. Я знаю только, что Лев сказал: «Иди». И я пошёл. Потому что это был первый раз за пять лет, когда мне сказали «иди», а не «стой».

Марк смотрел на него. Пять лет. Он представлял эту встречу сотни раз. В этих представлениях он всегда знал, что сказать. Сейчас он не знал ничего.

— Ты ел? — спросил он.

Дима моргнул.

— Что?

— Ел, спрашиваю. Ты выглядишь так, будто не ел неделю.

— Я… — Дима опустил глаза. — Не помню. Наверное, нет.

Марк встал. Достал из шкафчика пачку печенья, которую держал для клиентов, и банку растворимого кофе. Налил воды в чайник.

— Садись, — сказал он. — Только не на кушетку. На кушетке клиенты. Ты не клиент.

Дима сел на стул у стены. Взял печенье. Съел одно. Потом второе. Потом третье, уже не спеша.

Марк смотрел на него и думал: это мой брат. Мой брат, который пять лет был у Льва. Мой брат, которого я похоронил в своей голове. И он сидит здесь, ест печенье и говорит, что Лев его отпустил. Просто так. Просто отпустил.

Люди не делают ничего «просто так». Особенно Лев.

Чайник щёлкнул. Марк налил кофе в две кружки. Поставил одну перед Димой.

— Рассказывай, — сказал он. — Всё. С самого начала.

Дима сделал глоток. Помолчал. Потом сказал:

— Я не знаю, с чего начать.

— С того дня, когда ты исчез.

— Я не исчез. — Дима посмотрел на него. — Меня забрали.

Марк сел напротив. Не перебивал.

— Я работал на Льва, — сказал Дима. — Ты знал. Ты тоже работал. Только ты ушёл, а я остался. Потому что мне казалось, что я могу… — он усмехнулся, криво, — что я могу что-то изменить изнутри. Наивный.

— Что случилось?

— Меня использовали. Как рычаг. На тебя. — Дима посмотрел ему в глаза. — Лев знал, что ты ушёл, но не до конца. Что ты всё ещё… привязан. Ко мне. К памяти. И он держал меня, чтобы ты не вернулся. Пока ты сидел тихо, я был в порядке. Кормили, не били. Комната, кровать, книги. Как в санатории. Только дверь снаружи.

Марк слушал. Внутри было пусто. Он ждал злости, но злости не было. Только усталость.

— А теперь? — спросил он. — Почему он отпустил тебя сейчас?

Дима поставил кружку. Посмотрел на свои руки.

— Потому что теперь ему нужно другое, — сказал он. — Раньше я был рычагом, чтобы ты не вернулся. Теперь я — приманка, чтобы ты вернулся. Он отпустил меня, чтобы я тебя уговорил.

— Уговорил на что?

— Вернуться. — Дима поднял глаза. — Сделать то, что он скажет. Один раз. И тогда он отпустит всех. Меня. Тебя. Брата девчонки.

Марк помолчал.

— А если я откажусь?

Дима не ответил сразу. Он смотрел в кружку, будто искал там что-то.

— Тогда он отпустит только одного, — сказал он тихо. — И ты будешь выбирать. Кого.

В салоне стало тихо. За окном шумел двор — обычный двор, обычное утро. Только теперь в этом утре был Дима. И выбор. И Лев, который снова всё просчитал.

Марк встал. Подошёл к окну. Посмотрел во двор. Пусто.

— Ты видел брата Ани? — спросил он, не оборачиваясь.

— Видел.

— Где он?

— В другом месте. Не там, где я был. — Дима помолчал. — Лев меняет их местами. Каждые несколько дней. Чтобы никто не успел.

— Ты знаешь, где именно?

— Нет. — Дима покачал головой. — Я знаю только, что это где-то за городом. Дом. Охрана. Собаки. Меня возили туда один раз — показать, что бывает с теми, кто… — он запнулся. — В общем, я видел. Один раз.

Марк обернулся.

— Ты видел брата Ани?

— Видел. — Дима посмотрел на него. — Он живой. Пока.

Марк хотел спросить ещё что-то, но не успел. В дверь позвонили. Один раз. Коротко.

Он посмотрел на часы. Девять сорок. Аня пришла раньше.

Он открыл. Аня стояла на пороге — в том же плаще, с тем же рюкзаком. Но выглядела иначе. Собраннее. Злее. Как человек, который ночью принял решение и теперь не отступит.

— Я пришла раньше, — сказала она. — Хотела поговорить до того, как ты начнёшь мне что-то рассказывать. Я…

Она замолчала. Потому что увидела за его спиной Диму. Тот сидел на стуле с кружкой кофе в руках и смотрел на неё.

Аня побледнела.

— Это кто? — спросила она тихо.

— Мой брат, — сказал Марк. — Дима.

— Твой брат? — Аня перевела взгляд с Димы на Марка. — Ты сказал, у тебя никого нет.

— Я сказал, что у меня никого нет. Я не сказал, что это правда.

Аня стояла в дверях. Не входила. Смотрела на Диму так, как смотрят на человека, которого узнали. Не приветливо. Иначе.

Дима поставил кружку. Встал.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Дима. Брат Марка. Я… я не знал, что вы придёте.

— Я тоже не знала, что вы придёте, — сказала Аня. Голос у неё был ровный. Слишком ровный.

Марк заметил это. Заметил, как она смотрит на Диму. Как будто пытается что-то вспомнить. Или наоборот — вспомнила.

— Аня, — сказал он. — Проходи. Нам надо поговорить. Всем.

Она прошла. Села на кушетку. Не сводила глаз с Димы. Тот сел обратно на стул. Улыбнулся ей — той самой улыбкой, которую Марк помнил с детства.

— Я понимаю, это странно, — сказал Дима. — Я появился из ниоткуда. Но я правда хочу помочь. Я знаю, где был ваш брат. Я видел его.

Аня не ответила. Она смотрела на него ещё секунду. Потом повернулась к Марку.

— Можно тебя на минуту? — спросила она. — Наедине.

Марк кивнул. Они вышли в тамбур — маленькое пространство между дверью и улицей, где стояла вешалка и коробки с краской.

— Что? — спросил Марк.

Аня посмотрела на дверь салона. Потом на него.

— Я его видела раньше, — сказала она тихо.

Марк замер.

— Где?

— В банке. — Аня сглотнула. — Он приходил к моему начальнику. За неделю до того, как всё началось. Я его запомнила, потому что он был… не такой, как все. Не в костюме. В куртке. Молодой. Он сидел в приёмной двадцать минут. Потом зашёл в кабинет. Вышел через пять. И ушёл.

Марк молчал.

— Я не знаю, что это значит, — сказала Аня. — Может, ничего. Может, он просто приходил по делу. Но я его запомнила. И теперь он здесь. И говорит, что его «отпустили». Марк, люди не отпускают просто так. Особенно такие, как Лев.

Марк посмотрел на дверь салона. За ней сидел его брат. Который ел печенье и говорил правильные слова. Который пять лет был у Льва. Который пришёл сам.

— Ты уверена? — спросил он.

— Я работаю в кредитном отделе, — сказала Аня. — Я запоминаю лица. Это часть работы. И часть выживания.

Марк помолчал. Потом сказал:

— Хорошо. Я ему не скажу, что ты мне сказала. Но и доверять не буду. Пока.

— А если он врёт?

— Тогда мы узнаем это раньше, чем он поймёт, что мы узнали. — Марк открыл дверь. — Пошли. Не будем заставлять его ждать.

Они вернулись в салон. Дима сидел на том же стуле. Смотрел на них. Улыбался.

— Всё в порядке? — спросил он.

— В порядке, — сказал Марк. — Аня просто хотела уточнить одну вещь. Про банк.

Улыбка Димы не изменилась. Но что-то в глазах — на долю секунды — дрогнуло.

— Про банк? — переспросил он.

— Про банк, — сказал Марк. — Аня работает в кредитном отделе. Она сказала, что видела тебя там. За неделю до того, как всё началось.

Пауза. Дима смотрел на Марка. Потом на Аню. Потом снова на Марка.

— Я не был в банке, — сказал он.

— Она тебя запомнила.

— Она ошибается.

— Она не ошибается. — Марк сел напротив него. — Дима. Я тебя знаю с рождения. Ты всегда врал одинаково. Ты начинаешь говорить быстрее, когда врёшь. И сейчас ты говоришь быстрее.

Дима замолчал. Улыбка исчезла. Впервые за всё утро его лицо стало взрослым. Усталым. Настоящим.

— Ладно, — сказал он. — Я был в банке. Но не по своей воле. Лев послал меня. Сказал: «Сходи. Посмотри. Запомни». Я не знал зачем. Я просто сделал.

— Что ты запоминал?

— Начальника. Его кабинет. Людей, которые к нему заходят. — Дима помолчал. — И тебя.

Он посмотрел на Аню.

— Я не знал, что ты — сестра того самого Димы. Правда. Я узнал это только сегодня. Когда Лев сказал: «Иди к брату. Он тебя ищет. И девчонка тоже там будет».

Марк смотрел на него. В голове было слишком много всего. Слишком много нитей. Слишком много лжи.

— Дима, — сказал он. — Если ты врёшь мне сейчас — это последний раз, когда мы разговариваем.

Дима поднял на него глаза. И в них было что-то, чего Марк не видел пять лет. Страх. Настоящий. Не за себя.

— Я не вру, — сказал он. — Я боюсь. Я боюсь его больше, чем тебя. И больше, чем смерти. Потому что он не убивает. Он держит. И если я снова окажусь там — я не выйду. Никогда.

Марк помолчал. Потом встал.

— Хорошо, — сказал он. — Ты остаёшься здесь. В салоне. Не выходишь. Не звонишь. Не пишешь. Понял?

— Понял.

— Аня. — Марк повернулся к ней. — Ты принесла конверт?

Она достала из рюкзака сложенные листы. Положила на стол.

— Вот.

Марк развернул. Таблица. Даты. Суммы. Имена. Он провёл пальцем по строчкам. Остановился на одном имени.

Гриша Мелкий.

— Вот он, — сказал Марк. — Связной. Он знает, где держат братьев.

— И как его найти? — спросила Аня.

Марк посмотрел на Диму.

— Ты знаешь, где он?

Дима помолчал. Потом сказал:

— Знаю. Но он не будет говорить. Он боится Льва больше, чем кого-либо.

— Значит, надо сделать так, чтобы он боялся нас больше. — Марк сел. — Или чтобы ему стало выгодно говорить.

— Как?

Марк посмотрел на таблицу. На имена. На суммы. Потом на Аню.

— Ты работаешь в банке, — сказал он. — Ты можешь узнать, куда уходили деньги. Не только те, что ты платила. Все. Кто получал. Когда. Через какие счета.

Аня кивнула медленно.

— Могу. Но это займёт время. И это незаконно.

— У нас тринадцать дней. — Марк посмотрел на неё. — И это уже не просто долг. Это схема. Кто-то наверху забирал твои деньги и отменял платежи. Кто-то держит твоего брата. И моего. И если мы найдём, кто это, мы найдём, где они.

Аня посмотрела на него. Потом на Диму. Потом снова на него.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю.

Дима сидел молча. Смотрел на них обоих. И в его глазах было что-то, чего Марк не мог прочитать. Надежда. Или страх. Или что-то третье.

— Я хочу помочь, — сказал он тихо. — Я знаю, ты мне не веришь. Но я хочу.

Марк посмотрел на него.

— Тогда начни с малого, — сказал он. — Расскажи мне всё, что помнишь о доме за городом. Каждый звук. Каждый запах. Каждую деталь. Всё.

Дима кивнул. Взял кружку. Сделал глоток.

— Хорошо, — сказал он. — Слушай.

Аня ушла в полдень — на работу. Сказала, что попробует посмотреть в системе, что сможет, но осторожно. Марк остался с Димой.

Дима рассказал всё, что помнил. Дом. Забор. Собаки. Люди. Комнаты. Но когда он дошёл до того места, где видел брата Ани, он замолчал.

— Что? — спросил Марк.

— Он был не один, — сказал Дима. — С ним был человек. В костюме. Молодой. Он что-то говорил ему. И брат Ани… он не выглядел как пленник. Он выглядел как… — Дима запнулся. — Как будто он слушал. И соглашался.

Марк замер.

— Ты хочешь сказать, что брат Ани работает на Льва?

Дима посмотрел на него.

— Я хочу сказать, что он не пленник. Он — часть схемы. И когда Аня узнает об этом, она не поверит. А если поверит — сломается.

Марк убрал телефон. Посмотрел на стену. Надпись «Memento mori» смотрела на него, как всегда. Только теперь она значила: «ты уже мёртв. Просто ещё не знаешь».

Он набрал Аню. Гудки. Долгие.

— Аня, — сказал он, когда она взяла. — Нам надо поговорить. Не по телефону. Когда вернёшься.

Пауза.

— Что случилось? — спросила она.

Марк посмотрел на Диму. Тот сидел тихо. Смотрел в пол.

— Твой брат, — сказал Марк. — Он не тот, кем ты его считаешь.

Глава 5. Счета

Аня вышла из салона в половине первого и всю дорогу до банка шла пешком, хотя могла бы сесть на метро. Ей нужно было время. Не чтобы подумать — думать она умела на ходу. Ей нужно было почувствовать город. Улицы, людей, машины. Всё то, что оставалось нормальным, пока её жизнь разваливалась на куски.

Она шла мимо ларьков с шаурмой, мимо остановки, где женщина в пуховике ругалась с водителем автобуса, мимо школы, из которой как раз высыпали дети — шумные, розовощёкие, с рюкзаками больше себя. Обычная жизнь. Люди спешили, опаздывали, покупали кофе, говорили по телефону. Никто из них не знал, что в этом городе есть дом за забором, где держат людей. Никто не знал, что где-то сидит человек по имени Лев и решает, кому жить спокойно, а кому — нет.

Аня знала. И это знание давило на плечи, как чугунная плита.

В банк она пришла в двенадцать сорок. Отдел кредитования занимал третий этаж — длинный коридор с серым ковролином, кабинеты за стеклянными перегородками, принтер, который вечно зажёвывал бумагу, и запах дешёвого кофе из автомата. Коллеги кивали ей, кто-то спрашивал, как дела, она отвечала: «Нормально». Слово-заклинание. Произносишь — и вроде бы ничего не случилось.

Начальник, Виктор Андреевич, сидел в своём кабинете за стеклом. Ему было под пятьдесят, он носил рубашки на два размера больше, чем нужно, и любил говорить «мы тут все одна команда», когда речь шла о переработках. Аня видела его каждый день. Здоровалась. Улыбалась. Приносила документы на подпись. И никогда не задумывалась, что за этой улыбкой и этими документами может стоять что-то ещё.

Теперь задумалась.

Она села за свой стол, включила компьютер, достала конверт — не весь, только один лист, тот, где были даты и суммы. Ей нужно было сопоставить. Свои платежи Штырю — и то, как они проходили по банку. Если кто-то отменял их, в системе должны были остаться следы.

Она открыла базу. Ввела свой личный счёт. Пролистала транзакции.

Платежи Штырю шли через её карту — обычные переводы на номер телефона, без пометок. Она переводила каждый месяц. Восьмого числа. Всегда восьмого.

Восьмое сентября. Восьмое октября. Восьмое ноября. Восьмое декабря.

Она открыла каждый. И каждый — отметила.

Все четыре перевода были отменены. В системе стояла пометка: «Возврат средств инициатором». Но Аня не отменяла их. Она бы помнила. Она бы никогда не отменила — это означало бы, что она не заплатила, а значит, к ней придут снова.

Кто-то отменял их за неё. Кто-то с доступом к системе.

Аня посмотрела на дверь кабинета Виктора Андреевича. Стекло было прозрачным, но он сидел спиной, смотрел в монитор, что-то печатал. Обычный человек. Обычный начальник. Обычная жизнь.

Она отвела взгляд и вернулась к экрану.

Пролистала глубже. Не свои платежи — все транзакции, которые проходили через тот же номер телефона. Штырь получал деньги не только от неё. Десятки переводов. Разные люди. Разные суммы. И среди них — один счёт, который повторялся чаще других.

ООО «Прогресс». Расчётный счёт. Юридическое лицо. Аня знала эту компанию. Видела её в документах. Она проходила по кредитной линии, которую банк одобрил полгода назад. Крупная сумма. На развитие бизнеса.

Кредит подписал Виктор Андреевич.

Аня смотрела на экран и чувствовала, как холодеют пальцы. Она не была следователем. Она не умела распутывать схемы. Но она умела читать цифры. И цифры говорили: деньги, которые банк выдал «Прогрессу», уходили на счёт Штыря. А от Штыря — дальше. Вверх. Туда, где следы обрывались.

Она сделала скриншоты. Сохранила в папку, которую никто не найдёт. Потом закрыла базу. И тут же услышала:

— Аня.

Она вздрогнула. Виктор Андреевич стоял в дверях своего кабинета. Улыбался.

— Зайди на минуту.

Она встала. Ноги были ватными. Прошла через коридор — три шага, которые показались километром. Вошла в кабинет. Виктор Андреевич закрыл дверь. Не резко. Спокойно. Как человек, который делает это каждый день.

— Присаживайся, — сказал он.

Она села. Он сел напротив. На столе — чашка кофе, стопка бумаг, ноутбук. Обычный кабинет. Обычный человек.

— Как дела? — спросил он. — Ты в последнее время сама не своя. Что-то случилось?

— Всё нормально.

— Аня. — Он улыбнулся шире. — Мы тут все одна команда. Если что-то происходит — ты можешь сказать.

Она смотрела на него. И думала: это он? Это он отменял мои платежи? Это он отдал приказ? Или он просто винтик, как Штырь, как все остальные?

— Виктор Андреевич, — сказала она медленно, — я тут проверяла транзакции по одному счёту. И заметила странную вещь. Мои переводы кто-то отменял. Из системы. С доступом.

Улыбка не исчезла. Но что-то в глазах изменилось. На долю секунды. Потом вернулось.

— Странно, — сказал он. — Может, технический сбой?

— Может быть. — Аня кивнула. — Я хотела спросить: кто ещё имеет доступ к моему счёту? Кроме меня.

Пауза. Виктор Андреевич откинулся на спинку кресла.

— Я, — сказал он. — Как начальник отдела. И служба безопасности. Но они не вмешиваются без причины.

— А вы вмешивались?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. И Аня поняла: он знает. Он знает, что она копает. И он ждёт, что она сделает дальше.

— Аня, — сказал он мягко. — Я не знаю, что ты там нашла. И не хочу знать. Но я хочу дать тебе совет. — Он наклонился вперёд. — Иногда лучше не копать. Не потому что там что-то страшное. А потому что можно найти то, что тебе не понравится. И тогда придётся с этим жить.

— Я и так живу с этим, — сказала она.

— Тогда, может быть, тебе стоит подумать о том, чтобы перестать. — Он улыбнулся снова. — Ты хороший сотрудник. Я не хочу тебя терять. Но если ты будешь продолжать в том же духе — я могу не успеть тебя спасти.

Аня встала. Ноги держали. Голос — тоже.

— Спасибо за совет, Виктор Андреевич, — сказала она. — Я подумаю.

Она вышла. Закрыла за собой дверь. Прошла через коридор. Села за свой стол. Посмотрела на экран.

Скриншоты. Папка. Всё на месте.

Она сделала ещё один скриншот — тот, где было видно, что кредит «Прогрессу» подписал Виктор Андреевич. И отправила его Марку. Без подписи.

Ответ пришёл через минуту:

-Это он?

-Не знаю. Но он знает, что я копаю. И он только что мне угрожал. Мягко, но угрожал.

-Уходи оттуда. Сейчас!

Аня посмотрела на дверь кабинета. Виктор Андреевич стоял у стекла. Смотрел на неё. Улыбался.

-Не могу. Если я уйду сейчас — это будет выглядеть как побег. Мне нужно ещё немного времени. Я найду больше.

-Тогда будь осторожна. И не оставайся с ним наедине».

Аня убрала телефон. Открыла базу снова. И продолжила копать. Потому что теперь у неё был не только долг. У неё был вопрос. И она собиралась найти ответ. Даже если этот ответ её сломает.

Она нашла это в пять часов. Уже собиралась уходить — Виктор Андреевич ушёл раньше, сказал, что у него встреча. Аня осталась одна в отделе, листала счета «Прогресса». И нашла перевод, который не вписывался в схему.

Один платёж. Небольшой. На личный счёт. Получатель — не Штырь. Не Лев. Не «Прогресс».

Получатель — Дима Ковалёв.

Аня смотрела на имя и не могла дышать. Она знала это имя. Дима Ковалёв. Её брат. Тот самый брат, которого она пять месяцев считала жертвой. Тот самый брат, из-за которого она платила Штырю. Тот самый брат, которого она искала.

Он получал деньги. От схемы. От людей, которые его «держали».

Она сделала скриншот. Руки дрожали. Потом достала телефон. Набрала Марка.

— Он был частью этого, — сказала она тихо, когда он взял трубку. — Мой брат. Он не жертва. Он получал деньги. От них.

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Аня, — сказал Марк. — Приезжай. Сейчас. И не говори об этом никому. Даже Диме.

— Почему?

— Потому что если твой брат — часть схемы, то он знает, где держат моего. И он может быть тем, кто сдал тебя Штырю.

Гудки.

Аня убрала телефон. Посмотрела на экран. На имя брата. На сумму. На дату.

Потом закрыла ноутбук. Взяла сумку. И вышла из банка — в темноту, в холод, в город, который больше не казался нормальным.

Глава 6. Братья

Марк вернулся в салон в шесть. Темнота уже накрыла двор — тусклые фонари, мокрый асфальт, окна, за которыми люди смотрели телевизоры и не знали, что в двух кварталах отсюда кто-то решает их судьбы.

Дима сидел на том же стуле. Печенье он доел, кружку вымыл и поставил на полку — аккуратно, как человек, которого пять лет учили не оставлять после себя беспорядка. На коленях у него лежал старый журнал с эскизами, который Марк держал для клиентов. Дима листал его медленно, как листают книгу в ожидании поезда.

Он поднял голову, когда Марк вошёл. И по его лицу Марк понял: он знает. Не всё. Но достаточно, чтобы напрячься.

Марк снял куртку. Повесил на крючок. Не спешил. Спешка — это слабость. Он научился этому пять лет назад, когда спешил уйти и не оглядывался.

— Аня звонила, — сказал он, садясь напротив. — Нашла кое-что в банке.

Дима закрыл журнал. Положил на столик. Ровно, краем к краю.

— Что нашла?

— Её брат получал деньги. От схемы. — Марк смотрел ему в глаза. — Ты знал?

Пауза. Дима не отвёл взгляд. Но что-то в нём изменилось — как будто внутри щёлкнул выключатель.

— Знал, — сказал он.

— Насколько?

— Насколько — что?

— Не играй со мной, — сказал Марк тихо. — Я тебя знаю с рождения. Я знаю, когда ты врёшь. И знаю, когда ты недоговариваешь. Сейчас ты недоговариваешь.

Дима помолчал. Потом откинулся на спинку стула. Посмотрел в потолок. Так он делал в детстве, когда не хотел отвечать на вопросы матери — будто ответ можно было найти на потолке, среди трещин и пятен от воды.

— Я видел его один раз, — сказал он. — В том доме. Я говорил тебе. Он был с человеком в костюме. Я сказал, что он не выглядел как пленник. Я сказал, что он слушал и соглашался. Я не сказал только одного.

— Чего?

— Что он отдавал приказы. — Дима опустил глаза. — Человек в костюме не говорил ему. Он говорил человеку в костюме. И тот кивал. Как подчинённый.

Марк молчал. Внутри что-то сжалось. Не злость. Хуже. Что-то вроде усталости — той самой, когда понимаешь, что мир гниёт глубже, чем ты думал.

— Ты знал это, когда пришёл сюда, — сказал он. — Ты знал это, когда сидел с нами. Ты знал это, когда Аня говорила о брате. И молчал.

— Я не знал, как сказать, — сказал Дима. — Она смотрела на меня так, будто я могу ей помочь. Будто я знаю, где её брат. А я знал, что её брат — не жертва. Что он — часть схемы. И если бы я сказал это тогда, при ней, — она бы не поверила. Или поверила бы — и сломалась. Я не хотел быть тем, кто её ломает.

— А теперь?

— Теперь она сама узнала. — Дима поднял глаза. — И это хуже. Потому что теперь она думает, что её брат — предатель. А это не так. Не совсем так.

Марк наклонился вперёд.

— Объясни.

Дима вздохнул. Провёл рукой по лицу — устало, как человек, который несёт этот груз давно и не знает, как его сбросить.

— Ты думаешь, я сидел в комнате без окон и ничего не знал? — сказал он. — Я знал больше, чем ты думаешь. Потому что Лев не просто держал меня. Он показывал мне. Иногда. Чтобы я понимал, что бывает с теми, кто не слушается. И чтобы я, когда выйду, рассказал тебе то, что нужно ему.

— Что ты видел?

— Я видел, как брат Ани пришёл к Льву. Добровольно. Не его привели. Он пришёл сам. Потому что у него были долги — не такие, как у Ани. Другие. Он играл. Проигрывал. Занял у людей, которые не прощают. И когда пришло время платить, он пришёл к Льву. И Лев предложил ему сделку.

— Какую?

— Он сказал: «Ты будешь работать на меня. Не на улице. Внутри. В банке. Ты будешь давать мне информацию. А я буду закрывать твои долги». — Дима помолчал. — Брат Ани согласился. Не потому что он плохой. Потому что он был в безвыходном положении. И потому что Лев умеет предлагать сделки, от которых невозможно отказаться.

Марк слушал. В голове складывалась картина. Не та, которую он ожидал. Сложнее. Грязнее.

— Значит, он не предатель, — сказал он медленно. — Он жертва, которая стала соучастником.

— Он должник, который пытался выжить, — сказал Дима. — Как все мы. Как ты. Как я. Как Аня. Мы все в этой системе. Просто кто-то глубже, а кто-то на поверхности.

Марк встал. Подошёл к окну. Посмотрел во двор. Там, в темноте, кто-то курил у подъезда. Обычный человек. Обычная жизнь.

— Ты знаешь, где он? — спросил Марк, не оборачиваясь.

— Брат Ани?

— Да.

Пауза. Марк слышал, как Дима дышит за спиной. Ровно. Спокойно. Слишком спокойно.

— Знаю, — сказал Дима. — Но это не то место, куда можно прийти и забрать его. Это дом Льва. Тот самый. Где я был. Где держат людей. Туда просто так не войти.

— А как войти?

— Тебя пригласят. — Дима помолчал. — Или ты войдёшь как свой. Как человек, который вернулся. Как тот, кем ты был пять лет назад.

Марк обернулся.

— Ты предлагаешь мне вернуться к Льву? Добровольно?

— Я предлагаю тебе подумать. — Дима смотрел на него прямо. — Лев хочет, чтобы ты вернулся. Он сам это сказал. По телефону. Он дал тебе четырнадцать дней. Не потому что он добрый. Потому что он ждёт. Он хочет, чтобы ты пришёл сам. Чтобы ты снова был его. И если ты придёшь сам — он, может быть, отпустит брата Ани. И меня. И тебя.

— Или убьёт всех троих.

— Или так. — Дима не отвёл взгляд. — Но у тебя нет другого плана. У нас нет другого плана. Мы можем сидеть здесь, искать следы в банке, находить имена — но это ничего не изменит. Лев держит всех. И он будет держать, пока ты не сделаешь то, что он хочет.

Марк вернулся к столу. Сел. Посмотрел на Диму. На его брата. Который пять лет был у Льва. Который знает больше, чем говорит. Который предлагает вернуться.

— Почему ты хочешь, чтобы я вернулся? — спросил Марк. — По-настоящему. Не для Ани. Не для её брата. Для себя. Почему ты этого хочешь?

Дима молчал долго. Потом сказал:

— Потому что я устал бояться. — Голос у него дрогнул. Впервые за всё время. — Пять лет. Пять лет я просыпался и думал: сегодня меня не тронут. Сегодня я не нужен. Сегодня я просто подожду. И так каждый день. Пять лет. Я не жил. Я ждал. И когда Лев сказал: «Иди к

брату», — я впервые за пять лет почувствовал что-то, кроме страха. Надежду. Что это закончится. Что я снова буду человеком.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки.

— Я не хочу, чтобы ты возвращался к Льву. Я хочу, чтобы мы закончили это. Все. Ты, я, Аня, её брат. Чтобы мы вышли. Чтобы мы больше никогда не ждали. Чтобы мы просто жили.

Марк смотрел на него. И впервые за два дня — с тех пор, как Дима появился на пороге — он почувствовал что-то, кроме подозрения. Что-то, похожее на жалость. Или на понимание. Или на страх, что он снова ошибается.

— Хорошо, — сказал он. — Я подумаю.

Дима кивнул.

— Только не думай слишком долго, — сказал он тихо. — У нас осталось двенадцать дней. И Лев не любит ждать.

Аня приехала в девять. Вся в снегу — на улице наконец пошёл первый снег, мокрый, липкий, тот самый, который тает на плечах и оставляет тёмные пятна. Она вошла, не снимая капюшона. Посмотрела на Диму. Потом на Марка.

— Я нашла ещё кое-что, — сказала она. — В счетах. Один платёж. Не брату. Другому человеку. С пометкой «услуги».

Марк взял у неё телефон. Посмотрел на экран. Имя получателя. Сумма. Дата.

Он поднял глаза на Аню.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, — сказала она. — Но я видела это имя в документах. В банке. Оно было в списке сотрудников службы безопасности.

Марк посмотрел на Диму. Тот сидел тихо. Смотрел в пол.

— Дима, — сказал Марк. — Это имя тебе о чём-то говорит?

Дима поднял глаза. И Марк увидел в них то, чего не видел раньше. Не страх. Не надежду. Узнавание.

— Говорит, — сказал Дима медленно. — Это человек Льва. Внутри банка. Он — «крыша». Он отменял платежи Ани. Он давал информацию. И он же… — Дима запнулся. — Он же был тем, кто сдал меня пять лет назад.

Марк замер. Аня смотрела на Диму. В салоне стало тихо — так тихо, что слышно было, как снег тает на подоконнике.

— Его зовут Виктор Андреевич, — сказал Дима. — Он — начальник Ани. И он — правая рука Льва. Всё это время.

Глава 7. Сделка

Аня не пошла домой. Она переночевала у Марка в салоне — на кушетке, укрывшись его курткой, которая пахла антисептиком и табаком. Дима спал на стуле у стены, свернувшись так, что казался меньше, чем был. Марк не спал вообще. Сидел за столом, смотрел в окно и думал.

Утром Аня ушла первой. Сказала: «Я должна закончить это». Марк хотел остановить. Не остановил. Потому что понимал: если она не закончит — не закончит никто.

В банк она пришла к девяти. Отдел кредитования только просыпался — коллеги пили кофе, кто-то смеялся над видео в телефоне, принтер жевал бумагу. Обычное утро. Аня села за стол. Включила компьютер. Открыла папку со скриншотами. И стала ждать.

Виктор Андреевич пришёл в девять двадцать. Прошёл мимо её стола. Не посмотрел. Не поздоровался. Зашёл в кабинет. Закрыл дверь.

Аня ждала.

В десять он вызвал её. Не по телефону — просто открыл дверь и сказал:

— Аня. Зайди.

Она встала. Коллеги не подняли головы. Обычное утро.

В кабинете было накурено — Виктор Андреевич курил в окно, хотя было запрещено. Он стоял спиной, смотрел на улицу. Не обернулся.

— Закрой дверь, — сказал он.

Она закрыла.

— Садись.

Она не села.

— Я знаю, что ты нашла, — сказал он, не поворачиваясь. — Ты умная девочка. Всегда была. Я это ценил.

— Вы отменяли мои платежи, — сказала Аня. — Вы знали, что я плачу Штырю. Вы знали, что мой брат у Льва. И вы молчали.

Виктор Андреевич затушил сигарету о подоконник. Обернулся. Улыбался.

— Я не молчал, — сказал он. — Я следил. Чтобы ты не сделала глупость. Чтобы ты не пошла в полицию. Чтобы ты не сломала то, что мы строили годами.

— Вы строили схему. Вы воровали деньги. Вы держите людей.

— Я работаю, — сказал он мягко. — Как все. Как ты. Как твой брат. Просто у меня другая работа.

Он сел за стол. Открыл ящик. Достал папку. Положил перед ней.

— Здесь всё, — сказал он. — Твои платежи. Мои отмены. Схема. Имена. Всё.

Аня смотрела на папку. Не брала.

— Что вы хотите?

— Я хочу, чтобы ты остановилась. — Виктор Андреевич сложил руки на столе. — Ты нашла то, что искала. Ты знаешь правду. Но если ты пойдёшь с этим дальше — ты не спасаешь брата. Ты его убиваешь. Потому что Лев не отдаст его. Он отдаст только по своей воле. А твоя воля — ему не указ.

— А ваша — указ?

— Моя — тоже нет. — Он усмехнулся. — Я такой же винтик. Просто крупнее. Я знаю, где брат. Я могу помочь. Но не бесплатно.

— Что вы хотите?

— Ты уходишь. Увольняешься. Забираешь заявление. Забываешь всё, что нашла. И я гарантирую: твой брат вернётся. Живой. Через неделю.

Аня смотрела на него. На папку. На его руки. На его улыбку.

— А если я откажусь?

Виктор Андреевич вздохнул. Как человек, который устал объяснять очевидное.

— Тогда, — сказал он, — твой брат вернётся. Но не живой. И не через неделю. И ты будешь знать, что могла это предотвратить. — Он помолчал. — Подумай. У тебя есть время до вечера.

Аня взяла папку. Открыла. Пролистала. Всё на месте. Имена. Суммы. Схема. Доказательства.

— Хорошо, — сказала она. — Я подумаю.

Она вышла. Закрыла дверь. Прошла через коридор. Села за стол. Положила папку в сумку. И только тогда заметила, что руки дрожат.

Она набрала Марка.

— Он предложил сделку, — сказала она тихо. — Я увольняюсь, забываю всё — и брат возвращается. Живой.

Пауза.

— А если откажешься?

— Тогда брат возвращается. Мёртвый.

Марк молчал. Аня слышала, как он дышит. Ровно. Спокойно. Слишком спокойно.

— Ты уже решила? — спросил он.

— Нет.

— Решай. — Голос был твёрдый. — Но помни: если ты согласишься — он не отпустит брата. Он будет держать его, чтобы держать тебя. Всегда. Пока ты жива.

— Я знаю.

— Тогда решай.

Она убрала телефон. Посмотрела на дверь кабинета. Виктор Андреевич стоял у стекла. Смотрел на неё. Улыбался.

Аня встала. Взяла сумку. И пошла к выходу. Не к лифту — к лестнице. Потому что в лифте были камеры. А на лестнице — нет.

Она спустилась на второй этаж. Остановилась. Достала телефон. Набрала номер, который знала наизусть.

— Служба безопасности, — сказала она. — Это Аня из кредитного отдела. Мне нужно срочно поговорить с вашим начальником. У меня есть информация о мошенничестве. Внутри банка.

Пауза. Потом голос:

— Поднимайтесь. Третий этаж. Кабинет триста два.

Аня убрала телефон. Посмотрела наверх — туда, где был кабинет Виктора Андреевича. Потом вниз — туда, где был выход. И выбрала третье.

Она поднялась на третий. Прошла мимо отдела кредитования — Виктор Андреевич всё ещё стоял у стекла. Увидел её. Улыбка исчезла.

Аня прошла мимо. Не обернулась. И вошла в кабинет триста два.

Она вышла из кабинета через сорок минут. С копией заявления. С подписью начальника службы безопасности. С гарантией, что проверка начнётся завтра.

Виктор Андреевич ждал её в коридоре. Один. Без улыбки.

— Ты сделала ошибку, — сказал он тихо.

— Может быть, — сказала Аня. — Но теперь у меня есть вы. И если со мной что-то случится — заявление уже в системе.

Она прошла мимо. Он схватил её за руку — резко, выше запястья, там, где была птица. Плёнка смялась. Аня вскрикнула.

И тут же — шаги за спиной. Быстрые. Тяжёлые.

— Отпусти её, — сказал Марк.

Он стоял в конце коридора. В куртке, с мокрым от снега воротником. Не один. За ним — Дима. Тот самый, который пять лет не выходил из комнаты. Тот самый, который должен был сидеть в салоне.

Виктор Андреевич отпустил руку. Посмотрел на Марка. Потом на Диму. И что-то в его лице изменилось. Не страх. Узнавание.

— Ты, — сказал он, глядя на Диму. — Ты же был у Льва.

— Был, — сказал Дима. — Теперь я здесь.

Марк подошёл. Встал между Аней и Виктором. Не агрессивно. Просто встал.

— Мы уходим, — сказал он. — И вы не будете нас преследовать. Потому что если будете — заявление уже в системе. И проверка начнётся завтра.

Виктор Андреевич смотрел на него. Потом на Аню. Потом снова на Марка.

— Вы не понимаете, с чем играете, — сказал он.

— Понимаем, — сказал Марк. — Поэтому и играем.

Он взял Аню за руку. Повёл к лестнице. Дима шёл следом. Виктор Андреевич остался стоять в коридоре. Один. Без улыбки.

Когда они вышли на улицу, Аня выдохнула. Долго. Как будто не дышала все сорок минут.

— Он не остановится, — сказала она. — Он позвонит Льву. Лев узнает.

— Знаю, — сказал Марк. — Поэтому мы не будем ждать.

Он достал телефон. Набрал Старого пса.

— Нам нужно встретиться, — сказал он. — Сегодня. И приведи всех, кого знаешь. Тех, кто остался. Тех, кто ушёл. Тех, кто хочет закончить.

Пауза.

— Ты уверен? — спросил Старый пёс.

— Нет, — сказал Марк. — Но выбора всё равно нет.

Глава 8. Свои

Встречу назначили на семь вечера — в гараже на окраине, который Старый пёс держал для «личных дел». Марк знал это место. Раньше здесь стояли машины с товаром, который никто не должен был видеть. Теперь — просто пустой бетонный бокс с ямой для ремонта, старым верстаком и лампой на проводе, которая мигала, как фонарь во дворе.

Они приехали втроём. Марк вёл. Аня сидела рядом, сжимая сумку с папкой. Дима — сзади, смотрел в окно, на город, который пять лет не видел.

У гаража уже стояли машины. Три. Немытые, старые, без номеров. Марк узнал одну — «Ниву» Старого пса. Две другие — не знал.

— Готова? — спросил он Аню.

— Нет, — сказала она. — Но пошли.

Внутри было пятеро. Старый пёс — у верстака, седой, с лицом, которое будто вырезали из дерева и забыли отшлифовать. Рядом с ним — двое мужчин, которых Марк не знал: один худой, в очках, с папкой под мышкой, второй — крупный, с бородой, в куртке с логотипом строительной фирмы. У стены — женщина, лет сорока, с короткой стрижкой и шрамом на скуле. И ещё один — молодой парень, почти мальчишка, с нервными руками, который всё время что-то крутил в пальцах.

— Знакомься, — сказал Старый пёс, кивнув на них. — Это те, кто остался. Кто не сдох и не сел. Кто хочет закончить.

Марк кивнул. Аня встала чуть позади. Дима — рядом с ней.

— Начнём, — сказал Старый пёс. — У нас мало времени. Лев уже знает, что вы засветились в банке. Виктор позвонил ему час назад. Это значит: у нас не двенадцать дней. У нас — три.

Тишина. Молодой парень перестал крутить в пальцах. Женщина со шрамом скрестила руки.

— Три дня — это мало, — сказал Марк. — Что мы можем сделать за три дня?

— Не воевать, — сказал Старый пёс. — У нас нет людей. Нет оружия. Нет денег. Лев сильнее. Всегда был.

— Тогда зачем мы здесь?

— Чтобы обменять. — Старый пёс кивнул на Аню. — У неё есть папка. У нас есть Виктор, который под проверкой. У нас есть имена. У нас есть информация. А Лев не любит, когда информация выходит наружу. Он готов на многое, чтобы этого не случилось.

Марк посмотрел на Аню. Она достала папку. Положила на верстак.

— Здесь всё, — сказала она. — Схема. Счета. Имена. В том числе Виктор. Если это попадёт в проверку — Лев потеряет не только банк. Он потеряет крышу. А без крыши он никто.

— Хорошо, — сказал Старый пёс. — Мы предлагаем обмен. Информация — в обмен на братьев. Обоих. И на свободу для всех нас.

— И как мы это сделаем? — спросил Марк.

— Встретимся со Львом. Лично. Ты, я, девчонка. И папка. Мы скажем: «Отпусти братьев. И мы отдадим тебе всё. Не копию. Оригинал». И уйдём.

— А если он не согласится?

— Согласится, — сказал Старый пёс. — Потому что альтернатива — проверка. А проверка — это не только банк. Это его имя. Его связи. Его жизнь. Он не рискнёт.

Марк помолчал. Потом сказал:

— А если он решит, что проще нас убрать?

Старый пёс посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Тогда нам нужно оружие.

Оружие было в яме для ремонта. Под бетонной плитой, которую Старый пёс сам заливал пять лет назад. Марк помогал поднимать — плита была тяжёлая, и он чувствовал, как напрягаются мышцы, как скрипит бетон, как пахнет сыростью и старым железом.

Внутри — три ящика. Деревянные, сколоченные грубо, с маркировкой, которую Марк не знал.

— Что здесь? — спросил он.

— То, что осталось, — сказал Старый пёс. — Я собирал пять лет. По одному. У кого-то покупал. У кого-то отбирал. Кое-что осталось от старых времён.

Он открыл первый ящик. Внутри, на промасленной бумаге, лежали два пистолета. Не травматы. Настоящие. «Макаров» и что-то иностранное, с потёртой рукояткой.

— Это не для того, чтобы стрелять, — сказал Старый пёс, заметив взгляд Марка. — Это для того, чтобы показать. Лев уважает силу. Если мы придём с пустыми руками — он нас не услышит. Если придём с оружием — услышит.

— А если он тоже придёт с оружием?

— Придёт, — сказал Старый пёс. — Но он не будет стрелять первым. Потому что он не хочет войны. Он хочет сделки. А сделка — это разговор. Оружие — это просто аргумент в разговоре.

Марк взял «Макаров». Тяжёлый. Холодный. Он не любил оружие. Пять лет назад он никогда не носил его — только травмат, для вида. Но сейчас он чувствовал: это не просто металл. Это вес. Ответственность. И страх.

— Я не хочу стрелять, — сказал он.

— Никто не хочет, — сказал Старый пёс. — Но иногда приходится.

Он открыл второй ящик. Внутри — патроны. Много. Аккуратно разложены по коробкам, как патроны в тире.

— Это всё? — спросил Марк.

— Нет. — Старый пёс открыл третий ящик. Внутри, завёрнутый в тряпку, лежал автомат. Короткий, с потёртым прикладом. Марк узнал его. «АКС-74У». Он видел такие только в кино. И в новостях.

— Это откуда? — спросил он.

— Не спрашивай, — сказал Старый пёс. — Просто знай: он работает. И если дойдёт до этого — значит, мы уже проиграли.

Марк посмотрел на автомат. На патроны. На пистолеты. Потом на Старого пса.

— Ты думаешь, дойдёт?

— Я думаю, — сказал Старый пёс, — что мы должны быть готовы ко всему. Даже к тому, что не хотим.

Встреча шла ещё час. Они обсуждали план: где встретиться, кто будет говорить, что скажут, как будут уходить. Аня записывала. Дима молчал. Молодой парень крутил в пальцах зажигалку. Женщина со шрамом задавала вопросы — резкие, точные, как человек, который делал это раньше.

Марк слушал. Но краем глаза следил за всеми. За Старым псом. За женщиной. За парнем. За худым в очках.

И заметил: худой в очках слишком часто смотрит на телефон. Не проверяет время. Просто смотрит. Как человек, который ждёт сообщения.

Марк подошёл к нему. Сел рядом на ящик.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Лёша, — сказал тот. — Я работал с Димой. Твоим. Раньше. Потом ушёл. Как ты.

— Давно?

— Три года. — Лёша убрал телефон в карман. Слишком быстро. — Я не хотел возвращаться. Но Старый пёс сказал, что ты собираешь людей. Что ты хочешь закончить.

— Хочу.

— И ты думаешь, получится?

Марк посмотрел на него. На его руки. На то, как он их прячет. На то, как он смотрит — не в глаза, а чуть мимо. Как человек, который боится, что его прочитают.

— Не знаю, — сказал Марк. — Но если не попробуем — не узнаем.

Он встал. Отошёл к Старому псу. Наклонился.

— Лёша, — сказал он тихо. — Он на связи с кем-то. Смотрит в телефон каждые две минуты. Ждёт сообщения.

Старый пёс не изменился в лице. Только чуть медленнее взял со стола папиросу.

— Знаю, — сказал он. — Я его не звал. Он сам пришёл. Сказал, что хочет помочь. Я не поверил. Но пусть будет. Под наблюдением.

— И что мы сделаем?

— Ничего, — сказал Старый пёс. — Пока. Если он предатель — он сдаст нас Льву. И Лев будет ждать нас там, где мы скажем. Но если мы поменяем место — Лев будет ждать в другом. И тогда у нас будет преимущество.

— Ты хочешь использовать его? — спросил Марк. — Как приманку?

— Я хочу, — сказал Старый пёс, — чтобы он думал, что мы ему доверяем. А мы будем знать, что он — их. И когда придёт время — используем это.

Марк посмотрел на Лёшу. Тот сидел у стены, крутил в пальцах зажигалку и смотрел в телефон. Ждал сообщения.

— А если он не предатель? — спросил Марк. — Если он просто нервничает?

— Тогда мы ничего не потеряем. — Старый пёс закурил. — Кроме времени. А у нас его и так мало.

Они вышли из гаража в десять. Снег шёл сильнее — мокрый, тяжёлый, тот самый, который ложится на плечи и не тает. Аня села в машину. Дима — сзади. Марк — за руль.

Он уже собирался завести двигатель, когда телефон пискнул. Сообщение с незнакомого номера.

«Ты собираешь людей. Это хорошо. Но ты забыл одного. Того, кто был с тобой в гараже. Того, кто уже рассказал мне всё. Ты знаешь, кто это. И ты знаешь, что будет дальше. У тебя два дня. Не три. Два».

Марк посмотрел на телефон. Потом на Аню. Потом в зеркало заднего вида — на Диму.

— Что? — спросила Аня.

— Он знает, — сказал Марк. — Про гараж. Про людей. Про всё. У нас два дня. Не три.

Он убрал телефон. Завёл машину. И выехал на дорогу — в темноту, в снег, в город, который больше не казался нормальным.

— Кто-то в гараже работает на него, — сказала Аня. — Кто-то, кто был там сегодня.

— Да, — сказал Марк. — И я знаю, кто.

Он не сказал. Но подумал: Лёша. Худой. В очках. С телефоном. С слишком быстрыми пальцами.

Он посмотрел в зеркало. Дима смотрел в окно. Молчал. И Марк вдруг понял: Дима знает. Он знал всегда. И молчал.

— Дима, — сказал он. — Ты знал про Лёшу?

Пауза. Долгая.

— Знал, — сказал Дима. — Он был у Льва. В том же доме. В соседней комнате. Он вышел раньше меня. И он не ушёл. Он остался. Потому что Лев ему платит.

Марк сжал руль. Сильнее, чем нужно.

— И ты молчал?

— Я не был уверен. Пока не увидел его сегодня. — Дима помолчал. — Теперь уверен.

Марк выдохнул. Медленно. Считая до десяти.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, у нас есть предатель. И есть два дня. И есть план. Осталось только понять, как всё это не похоронить.

Глава 9. Похищение

Утро. Самое обычное

Аня проснулась в шесть. Не потому что надо — потому что не спалось. Она лежала на кушетке в салоне, укрытая курткой Марка, и смотрела в потолок, где трещины складывались в буквы, которых она не понимала.

Два дня. Сорок восемь часов. Она считала не часы — минуты. Каждая минута была как монета, которую она бросала в автомат, надеясь, что он выдаст что-то стоящее. Пока — ничего.

Марк спал за столом, уронив голову на руки. Дима — на стуле у стены, свернувшись, как ребёнок. Тихо. Обычное утро в салоне, который пах антисептиком и кофе.

Аня встала. Осторожно, чтобы не скрипнуть кушеткой. Надела плащ. Взяла сумку. Посмотрела на Марка — тот не проснулся. На Диму — тот спал. И вышла.

Ей нужно было на воздух. Просто на воздух. Пять минут. Потом вернётся.

Она не вернулась.

Во дворе было пусто. Снег шёл с ночи, засыпал машины, лавочки, детскую площадку с ржавыми качелями. Аня стояла у подъезда, дышала холодом, смотрела, как пар изо рта поднимается вверх и растворяется. Обычное утро. Обычный двор.

Потом подъехала машина.

Серая «Лада». Без номеров.

Аня узнала её сразу. Та самая. Из того дня. Из того двора. Из той жизни, которая была у неё до татуировки.

Она отступила к двери. Но дверь была заперта — домофон сломан ещё в прошлом году. Она дёрнула ручку. Не поддалась.

Из машины вышли двое. Один — Костя-Штырь. Другой — плотный, с бритой головой, тот самый, который стоял поодаль. У Штыря в руке был пистолет. Не травмат. Настоящий. Аня видела такие только в кино — но узнала сразу.

— Аня, — сказал Штырь. — Пойдём. Лев хочет поговорить.

Она попыталась крикнуть. Но плотный уже был рядом — рука на плече, вторая на локте. Резко. Больно. Она дёрнулась. Штырь подошёл вплотную, приставил пистолет к её боку.

— Не дёргайся, — сказал он тихо. — Пожалуйста.

Его голос был спокойным. Слишком спокойным. Как у человека, который делал это много раз и знал, что сопротивление бесполезно.

Аня посмотрела на окна салона. Там, за стеклом, спал Марк. И Дима. И никто из них не видел, что происходит во дворе.

Она не крикнула. Потому что пистолет был у бока. Потому что плотный держал крепко. Потому что она знала: если крикнет — Штырь выстрелит. Не в неё. В окно. В Марка. В Димку. В того, кто первым подойдёт к двери.

Она не крикнула.

Её посадили в машину. Плотный сел сзади, рядом с ней. Штырь — за руль. Пистолет он положил на колени, но не убрал. «Лада» завелась и выехала со двора — медленно, спокойно, как будто ничего не случилось.

Аня смотрела в окно. Двор уплывал назад. Салон. Окно. Куртка Марка на кушетке, которую она забыла снять. Дракон на стене. Надпись «Memento mori». Всё это уплывало — и она не знала, увидит ли когда-нибудь.

Ехали долго. Аня не считала минуты — считала повороты. Два направо. Один налево. Потом кольцо. Потом снова направо. Потом выехали на трассу — за город, в снег, в белое поле, где не было ни домов, ни людей, ни фонарей.

Плотный молчал. Штырь вёл. Иногда смотрел в зеркало заднего вида — не на неё, на дорогу. Как человек, который делает работу и хочет сделать её хорошо.

— Куда мы едем? — спросила Аня.

Штырь не ответил.

— Зачем я вам?

Молчание.

— Если вы меня убьёте — папка всё равно выйдет. Заявление уже в системе. Проверка начнётся завтра.

Штырь усмехнулся. Не обернулся.

— Никто тебя не убьёт, — сказал он. — Лев хочет поговорить. Просто поговорить. Если ты будешь умной — вернёшься домой. Если нет… — Он пожал плечами. — Тогда не вернёшься.

Аня замолчала. Смотрела в окно. Поле. Снег. Лес вдалеке — тёмный, густой, как стена.

Она думала о Марке. О том, как он проснётся. Как увидит, что её нет. Как поймёт. И что сделает.

Она надеялась, что он сделает что-то. И боялась, что сделает.

Дом был за забором. Высоким, бетонным, с колючей проволокой сверху. Ворота открылись автоматически — Штырь нажал кнопку на пульте. Машина въехала во двор. Аня увидела: две собаки в вольере — крупные, чёрные, с горящими глазами. Охранник у двери — молодой, в куртке, с рацией. И сам дом — двухэтажный, кирпичный, с тёмными окнами. Как в кино. Только это было не кино.

Штырь вышел. Открыл заднюю дверь.

— Приехали, — сказал он. — Выходи.

Аня вышла. Ноги были ватными. Снег хрустел под туфлями. Она посмотрела на дом. На окна. На охранника. На собак, которые смотрели на неё, не мигая.

— Пошли, — сказал Штырь. — Лев ждёт.

Её провели через двор. Внутрь. Через коридор — длинный, с ковровой дорожкой, с картинами на стенах. Не репродукциями — настоящими. Аня не разбиралась в живописи, но видела: эти картины стоят дорого.

Потом — комната. Дверь. Штырь открыл.

— Заходи.

Она вошла.

Комната была большой. Стол у окна. Кресла. И человек в кресле — спиной к двери, лицом к окну. Седая голова. Пиджак. Рука с сигаретой.

Он не обернулся.

— Аня, — сказал он. — Садись.

Она не села. Стояла у двери.

— Я знаю, кто вы, — сказала она. — Вы Лев.

Он усмехнулся. Наконец обернулся.

Ему было под шестьдесят. Лицо спокойное, гладкое, как у человека, который никогда не работал руками. Глаза серые, внимательные. Он смотрел на неё так, как смотрят на вещь — не враждебно, но и не по-человечески.

— Молодец, — сказал он. — А теперь сядь. У нас мало времени, а я не люблю, когда люди стоят.

Она села. В кресло напротив. Спина прямая. Руки на коленях.

— Твой брат, — сказал Лев, — должен мне. Ты знаешь. Ты платила. Пять месяцев. Потом перестала.

— Я не переставала. Вы отменяли мои платежи.

Лев поднял бровь. Посмотрел на Штыря. Тот стоял у двери, молчал.

— Кто отменял? — спросил Лев.

— Виктор Андреевич. Ваш человек в банке. Он отменял. И вы это знали.

Лев помолчал. Потом усмехнулся.

— Знал, — сказал он. — Виктор — хороший человек. Но жадный. Он хотел поиграть в свою игру. Я не мешал. Пока он был полезен. Теперь — не полезен. Ты подняла шум. Проверка. Мне это не нужно.

— Что вы хотите?

— Я хочу, — сказал Лев, — чтобы ты отозвала заявление. Сегодня. Позвонила в службу безопасности. Сказала: «Ошиблась. Не было мошенничества. Я всё придумала». И проверка не начнётся.

— А если я откажусь?

Лев затушил сигарету. Посмотрел на неё. Долго. Спокойно.

— Тогда, — сказал он, — я покажу тебе твоего брата. Живого. А потом — мёртвого. И ты будешь знать, что могла это предотвратить.

Аня молчала. Внутри было пусто. И в то же время — слишком много.

— Я не могу отозвать заявление, — сказала она. — Оно уже в системе. Я не могу его удалить.

— Можешь, — сказал Лев. — Позвонишь. Скажешь, что ошиблась. Они закроют проверку. Всё просто.

— А если они не закроют?

— Закроют, — сказал Лев. — Потому что если не закроют — я позвоню. И тогда они узнают, что их начальник службы безопасности берёт деньги от меня. И проверка пойдёт не туда. Им это не нужно. Они закроют.

Аня смотрела на него. На его спокойное лицо. На его руки. На сигарету в пепельнице.

— Хорошо, — сказала она. — Я позвоню.

Лев улыбнулся. Впервые. Улыбка была не злая. Скорее — довольная. Как у человека, который получил то, что хотел.

— Умница, — сказал он. — Телефон.

Штырь достал её телефон из кармана. Положил на стол. Аня взяла. Набрала номер службы безопасности. Гудки. Долгие.

— Служба безопасности, — сказал голос. — Здравствуйте.

— Это Аня. Из кредитного отдела. Я… — Она посмотрела на Льва. Тот кивнул. — Я ошиблась. Насчёт мошенничества. Я всё придумала. Проверка не нужна.

Пауза. Потом голос:

— Вы уверены?

— Уверена.

— Хорошо. Мы закроем заявление. Если что-то изменится — звоните.

Гудки. Аня убрала телефон. Положила на стол. Лев смотрел на неё. Улыбался.

— Молодец, — сказал он. — Теперь можешь идти.

Аня встала. Ноги держали. Еле-еле. Она пошла к двери. Штырь открыл. Она вышла в коридор. Прошла через него. Вышла во двор. Снег. Собаки. Охранник. Ворота открылись.

Она вышла за забор. И только тогда — когда за спиной закрылись ворота — она побежала. В снег, в поле, в лес, куда угодно. Подальше от этого дома. Подальше от Льва. Подальше от всего.

Марк проснулся в семь. Первое, что он увидел, — пустую кушетку. Куртка на полу. Сумки нет. Ани нет.

Он встал. Подошёл к окну. Во дворе — следы на снегу. Машина уехала. Серая «Лада» — он узнал бы её из тысячи.

Он набрал Аню. Гудки. Долгие. Потом — «Абонент недоступен».

Он набрал снова. То же.

Посмотрел на Димку. Тот уже проснулся. Смотрел на него.

— Её забрали, — сказал Марк.

Дима встал. Молча. Надел куртку. Посмотрел на Марка.

— Что будем делать?

Марк посмотрел на стену. Надпись «Memento mori». Потом на оружие в яме. Потом снова на Димку.

— Не знаю, — сказал он. — Но если её не вернут — я сожгу этот город. И Льва. И всех, кто с ним.

Он взял телефон. Набрал Старого пса.

— Аню забрали, — сказал он. — Лев. Прямо из-под носа. Мне нужно всё, что ты знаешь. Адрес. Люди. Охрана. Всё.

Пауза.

— Ты уверен? — спросил Старый пёс.

— Я не уверен, — сказал Марк. — Я зол. И это хуже.

Глава 10. Штурм

Марк не помнил, как одевался. Помнил только, как доставал оружие из ямы — руки не дрожали, но были холодными, как бетон. «Макаров» лёг в карман куртки. Автомат он брать не стал. Пока.

Дима стоял у двери. Молчал. Смотрел на него так, как смотрят на человека, который собирается сделать что-то, о чём потом пожалеет.

— Ты уверен? — спросил он.

— Нет, — сказал Марк. — Но выбора нет.

Он набрал Старого пса. Тот взял после второго гудка.

— Адрес, — сказал Марк. — Сейчас.

— Не горячись. — Голос Старого пса был ровным, как у человека, который делал это сотню раз. — Если попрёшься один — тебя положат у забора. Дай мне час. Я соберу людей.

— Часа у меня нет.

— Час у тебя есть. Потому что без людей ты не войдёшь. Там охрана. Собаки. Автомат. Ты думаешь, ты Рэмбо? Ты тату-мастер с травматом.

Марк выдохнул. Медленно. Считая до десяти.

— Час, — сказал он. — Но если через час я не буду у дома — я войду сам.

— Через час будешь, — сказал Старый пёс. — И ещё: Лёша. Он уже сдал нас. Он не знает, что мы знаем. Используй это. Скажи ему, что встреча в другом месте. Пусть передаст. Лев будет ждать там. А мы придём с другой стороны.

— Хорошо.

Марк убрал телефон. Посмотрел на Димку.

— Ты остаёшься.

— Нет.

— Дима.

— Нет, — сказал Дима. — Я знаю дом. Я знаю, где окна, где двери, где собаки. Я был там пять лет. Я не останусь здесь и не буду ждать, пока ты умрёшь.

Марк посмотрел на него. На его брата. На человека, который пять лет провёл в комнате без окон. И который сейчас стоял с прямым позвоночником и смотрел ему в глаза.

— Хорошо, — сказал Марк. — Но если что-то пойдёт не так — ты уходишь. Не геройствуешь. Уходишь.

— Договорились.

Лёша сидел в кафе через дорогу от салона. Марк нашёл его сразу — худой, в очках, с телефоном в руке. Он пил кофе и смотрел в окно. Ждал.

Марк сел напротив. Лёша вздрогнул.

— Марк. Я думал, мы…

— Мы встречаемся сегодня, — сказал Марк. — В восемь. В том же гараже. Старый пёс соберёт всех. Будем обсуждать план. Приходи.

Лёша кивнул. Слишком быстро. Слишком охотно.

— Хорошо. В восемь. Я буду.

Марк встал. Посмотрел на него. На его руки. На телефон.

— Лёша, — сказал он. — Ты знаешь, что бывает с теми, кто сдаёт своих?

Лёша побледнел. Но не ответил.

Марк вышел. Не обернулся. Знал: Лёша уже набирает сообщение. Льву. «Встреча в восемь. Гараж». И Лев будет ждать там. А они придут в другое место. В настоящее.

Дом был там же. За забором. С собаками. С охраной. С окнами, которые светились в темноте, как глаза.

Марк стоял у машины в двух кварталах от ворот. С ним были Дима, женщина со шрамом — её звали Рита, — и ещё двое, которых привёл Старый пёс. Молчаливые. С оружием. Не задавали вопросов.

— План, — сказал Марк. — Рита идёт первой. Она знает, как отключить собак. Дима — со мной. Мы идём к чёрному входу. Старый пёс ждёт в машине. Если что — уходим.

— А если Лев там? — спросила Рита.

— Тогда я с ним поговорю.

— С автоматом?

— С чем получится.

Рита усмехнулась. Проверила пистолет. Посмотрела на дом.

— Пошли, — сказала она. — Собаки не ждут.

Собаки почуяли их сразу. Две чёрные твари у вольера — подняли головы, зарычали. Рита подошла первой. Медленно. Достала из кармана что-то — кусок мяса с таблетками. Бросила через сетку. Собаки набросились. Через минуту — затихли. Спали.

— У нас пять минут, — сказала Рита. — Потом они проснутся.

Марк кивнул. Пошёл к чёрному входу. Дима — за ним. Рита — следом. Охранник у двери не успел ничего сделать — Рита ударила его рукояткой пистолета в висок. Тихо. Он осел на снег.

— Внутрь, — сказала она.

Внутри было тепло. Пахло сигаретами и кофе. Марк шёл первым. «Макаров» в руке. Дима — за ним. Рита — сзади.

Из комнаты справа вышел охранник. Увидел их. Потянулся к рации. Марк выстрелил. Один раз. В плечо. Охранник упал. Застонал. Рита подошла. Ударила. Затих.

— Дальше, — сказала она.

Прошли через коридор. К лестнице. Второй этаж. Там была комната Льва. Марк знал. Дима сказал.

На лестнице — ещё двое. С пистолетами. Один выстрелил. Пуля прошла мимо — в стену, в картину. Марк пригнулся. Дима рванул вперёд. Ударил одного в живот. Второй поднял пистолет — но Рита уже была рядом. Выстрел. В бедро. Охранник упал.

— Тихо, — сказала Рита. — Лев услышит.

Но Лев уже слышал.

Дверь в комнату Льва была открыта. Марк вошёл первым. «Макаров» в руке. Дима — за ним. Рита — сзади.

Лев сидел в кресле. Спиной к окну. Лицом к двери. Улыбался. На столе перед ним — пистолет. Он не брал его. Просто смотрел.

— Марк, — сказал он. — Я знал, что ты придёшь. Лёша сказал.

— Лёша сказал не то место, — сказал Марк. — И не то время.

— Я знаю. — Лев усмехнулся. — Я знал, что ты обманешь. Поэтому я не поехал в гараж. Я остался здесь. Ждал тебя.

— Где Аня?

— Ушла. — Лев пожал плечами. — Я отпустил её. Она мне не нужна. Ты нужен.

— Где брат Ани?

— У меня. Живой. Пока.

Марк поднял пистолет. Направил на Льва. Рука не дрожала.

— Отпусти его.

— Или что? — Лев посмотрел на него. Спокойно. — Ты выстрелишь? Ты уже стрелял. Пять лет назад. Ты помнишь?

Марк молчал.

— Ты помнишь его лицо? — спросил Лев. — Ты помнишь, как он упал? Ты помнишь, как ты стоял над ним и думал: «Что я наделал?»

— Замолчи.

— Ты убил человека, Марк. И ты ушёл. Потому что не смог. А теперь ты вернулся. И думаешь, что можешь спасти всех. Но ты не спасёшь. Ты снова убьёшь. И снова уйдёшь.

Марк шагнул вперёд. Пистолет у виска Льва. Рука не дрожала.

— Где брат Ани? — спросил он тихо.

Лев посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— В комнате на первом этаже. Слева от лестницы. Один. Без охраны. Я не думал, что ты дойдёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.